

Since When Were You The Villain? / С каких это пор ты стал злодеем?

Глава. ч 21.

(Просто обратите внимание, что эта глава ниже содержит некоторые злоупотребления в первой половине)

Только когда она подошла к входной двери, сильная рука жестоко швырнула Софию на землю.

Ее тело упало на холодный каменный пол на крыльце.

Бледный цвет лица, редкие волосы и морщинистая пижама.

София села перед крыльцом, не в состоянии постоять какое-то время.

'Что это такое...?'

Она даже не плакала и не злилась.

Как только она открыла глаза утром, она подверглась преследованиям, поэтому ни ее рациональность, ни ее чувствительность не могли должным образом справиться с этой ситуацией.

"Ты идешь к леди Шанели, чтобы продать меня? Ты идиот, который даже не знает, что думать...!"

Пронзительный голос пронзил жужжащие уши Софии.

Едва держась за пульсирующую голову, она медленно начала понимать свою ситуацию.

"Я должен был выгнать таких, как ты, пораньше!"

Мачеха пролила на лицо свою вину, которая покраснела одна.

'Было бы неплохо, если бы появилась главная мужская роль...'

Даже если бы у нее был бог клише, он приходил и приходил вчера, так что было бы странно приходить снова...

София изо всех сил пыталась собраться и встала.

Когда она выпрямила свое ошеломляющее тело, глаза Рубиселла, захваченные яростью, смотрели на нее с силой, чтобы убить ее.

"Ты собираешься разрушить семью дважды? а?"

Даже когда она показывала на нее пальцем, София грубо расчесала свои спутанные волосы и грязную пижаму от того, что ее тащили за собой.

И зеленые глаза медленно смотрели на хозяйку дикой семьи.

"Хозяйка в нашей семье..."

Между ее сухими губами раздался тихий голос.

Рубиселла встречает тупых людей.

Она критикует других за лень, но пренебрегает самоуправлением.

Придираясь к слабостям других, она гордилась своей пронизательностью и почувствовала немного власти, но у нее не было понимания в себе.

В глазах Софии Рубиселла выглядела вот так.

'Я думаю, вы слышали от леди Шанели о дискриминации, которой я подвергся...'

Вместо того, чтобы поговорить с Софией, она схватила ее за волосы и вытащила из дома.
Читать только в послеобеденное время.

И думать, что это действие не разожжет слухи...?

'Ей не хватает здравого смысла... полагаю.'

Было бы ошибкой ожидать что-то вроде здравого смысла от злодея.

София кивнула и покачала головой.

Она все еще не имела силы в своем теле, потому что она не могла принять никакой еды или лекарства.

Если подумать, она съела только половину тарелки картофельного супа из-за Яна вчера.

Она не могла встать с кровати, потому что была больна, у нее не было аппетита, а ее горло было так болит, что было трудно даже пить воду.

Тем временем графиня Фраусс спросила, не слышала ли она, что София ошиблась.

"Ммм, и что же?"

"Хозяйка запятнала имя Фраусс."

София снова прочистила горло и заговорила более точно, чем раньше.

Потом она увидела вену на лбу.

"Ты все еще не можешь собраться..."

Графиня подняла руку высоко, и она ударила Софию по щеке.

Голова Софии, которую она не могла избежать, повернулась.

Кольцо Рубиселлы поцарапало ее щеку, оставив красный след на ее бледном лице.

В одно мгновение ее глаза потемнели, а уши стали глухими.

Софию также мучили сильные головные боли, которые проносились через ее мозг.

Однажды она подумала, что однажды Рубиселла ударит ее по лицу.

Она даже думала, что если ей дадут пощёчину, она оплатит ей тем же.

Но ее планы были напрасны.

После того, как ее ударили, ее разум затуманился, и ее живот начал тошнить.

Закружившись, она поднялась и сделала резкий вдох, коснувшись входной двери.

'Каждый день, это были деньги, деньги. Потому что я не могу делать деньги?'

Это напомнило Софии о её семье, которая однажды изгнала её без пощады. (TL/n: она ссылается на свою прошлую жизнь.)

Ее тело трепетало от внезапных плохих воспоминаний.

Она чувствовала вкус крови, когда открывала рот.

Тем не менее, Рубиселла смотрел на неё, как будто она всё ещё злилась.

Горничные и дворецкие, находившиеся поблизости, медленно отступали, когда ситуация становилась серьезной, отвернулись и отвернулись.

Ни графа, ни Яна там не было, поэтому ее некому было остановить.

И это было время, когда рука Рубиселлы снова была поднята высоко.

Бах!

Дворецкий и горничные, отвернувшись от звука, испугались.

Затем все повернулись к звуку.

Главные ворота графа скрипели и с грохотом упали на пол.

Передняя черная решетка была изогнута и скручена.

Человек переступил через обломки и вошел.

"Эти, эти, главные ворота..."

Дворецкий испугался и заикался.

То же самое было с Рубиселлой.

Шест также упал на землю без проблем.

Высокий человек медленно переступил через сад, игнорируя каменную тропу, и растоптал

газон.

Как будто время остановилось, никто не двигался и не стоял на месте.

София, все еще лежавшая на земле, медленно подняла голову.

На ее дрожащих плечах лежало мягкое пальто.

Смятые, поцарапанные и испачканные пижамы были завернуты в черное пальто.

Это был запах, который она нюхала раньше.

"А что... что...?"

Внезапно Киллиан встал на ее сторону.

Разве это сила клише?

'Так как он был главным героем, он пришел как герой?'

София думала, сжимая воротник пальто, которое её покрывало.

Киллиан посмотрел на Софию, которая дрожала.

Ее волосы были разорваны и испорчены, и на ее особенно бледном лице был красный след.

Подол ее старой пижамы был вырван из-под ног, и кровь текла из раны на икре.

Это было ужасное зрелище.

Киллиан сильно прикусил губу.

Он даже не понял этого, когда София рассказала герцогине Шанелии о своей дискриминации и унижении, от которых она страдала.

Хотя сочувствие и было, оно не было столь болезненным для него.

Он просто думал, что это несчастье.

Возможно, она прошла так же незначительно, как и обычная трагедия, которая была как любая другая история.

Но это крошечное существование перед ним казалось другим.

Не сочувствие затянуло ему грудь. Неопишуемое недовольство настигло его.

И он снова превратился в гнев.

"Сэр эрцгерцог Ривелон...! Почему..."

Спросил графиня дрожащим голосом.

Черная тень Киллиана, стоящая перед входной дверью, тяжело отразилась на графине.

"Я действительно хочу спросить тебя. Почему ты ударил моего жениха по лицу?"

Предложение, которое едва подавляло его гнев, мягко выплеснулось наружу.

Взгляд Рубиселлы бродил туда-сюда в поисках ответа.

"Вы ошибаетесь, сэр. Этого ребенка недостаточно, чтобы стать вашим женихом..."

Затем яркие красные глаза стали еще круче.

"Я не знал, что семейная традиция Фраусс будет такой дикой."

"Но, как ее родитель, иногда учит ребенка быть человеком..."

"Мадам, если вы так скажете, я буду очень обеспокоен."

Киллиан перебил графиню и сжал кулаки.

"Я бы не ударил тебя по лицу, по крайней мере, потому что я не хочу нарушать правила человечества."

Тяжелый, сдержанный голос тихо шептал Рубиселле на ухо.

В своем сердце он хотел отплатить Софии за то, что сделала эта женщина.

Но так как он не был животным, он пытался быть вежливым как человек.

Лицо Рубиселлы стало ещё белее.

Вскоре нежный взгляд сместился на слуг-фрау, стоявших позади графини.

"София Фраусс - моя невеста. Но, как ни странно, эта семья, похоже, забыла этот факт."

Его голос шел медленно.

Киллиан взглянул на слуг, которые были там.

Те, кто смотрел ему в глаза, содрогнулись и избегали его взгляда.

"Я не знаю, пытался ли ты разрушить отношения между мной."

"О, сэр, мы не собирались ссориться с герцогом Ривелоном."

Красные губы графини дрожали.

"Я просто зашел слишком далеко, чтобы отправить ребенка, который не был вам нужен..."

"Никто..."

Когда Киллиан проглотил свой гнев на оправдание Рубиселлы, он остановился и продолжил.

"... заслуживает такого обращения, мадам."

Навредить человеку - значит навредить ему.

Рубиселла закрыла рот и кивнула головой, как будто понимала.

"... кажется, мой жених нездоров, так что пока я позабочусь о ней в Ривелоне."

"Сэр, но все же..."

"Потому что я никогда не знаю, когда подобное случится снова."

Когда Рубиселла попытался остановить его, Киллиан отрезал ей путь.

Он отвернулся от Рубиселлы и пошел к Софии.

София сидела со своими глазами вне фокуса, дрожа как потерянный человек.

Его неконтролируемый, кипящий гнев охладился перед ее пустыми глазами, и пульсирующее недовольство снова ударило.

Она была босой на каменном полу перед входной дверью.

Затем Киллиан обнял её.

София не сопротивлялась. Нет, казалось, у нее не было ни сил, ни сердца, чтобы сопротивляться.

<http://tl.rulate.ru/book/69787/2444764>